

ПАМЯТИ
Петра Александровича
Ефремова.

СООБЩЕНІЯ,
сдѣланныя на общемъ собраніи
13 февраля 1908 г.

640/32
5

ПЕЧАТНІА А.И. СНИГИРЕВОЙ МОСКВА.

1908.

ПАМЯТИ

П. А. ЕФРЕМОВА.

ПАМЯТИ
Петра Александровича
Ефремова.

сообщенія,
сдѣланныя на общемъ собраніи
13 февраля 1908 г.

Печатня А.И.Снегиревой Москва.

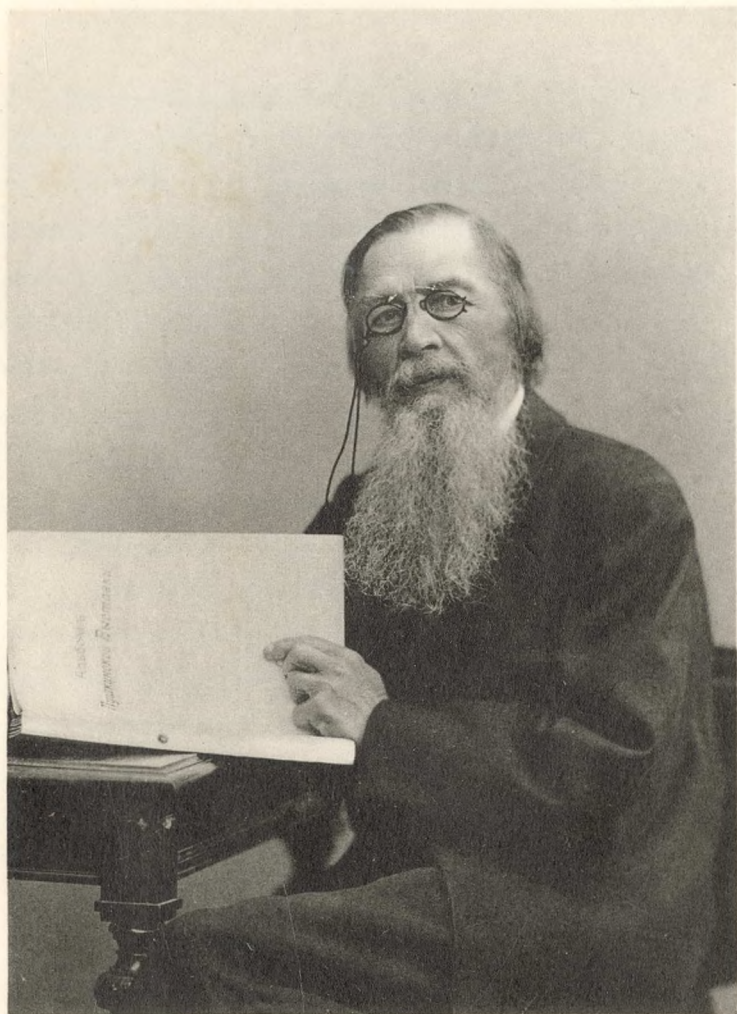
1908.

5394.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Портретъ.	
Предисловіе	1
Изъ личныхъ воспоминаній о П. А. Ефремовѣ свещ. Н. Миловскаго	1—20
П. А. Ефремовъ, какъ собиратель. Изъ личныхъ воспоминаній С. П. Виноградова.	21—30
Воспоминанія букиниста о П. А. Ефремовѣ. А. Астапова	31—39
Письмо П. А. Ефремова.	36—37.

Петръ Александровичъ Ефремовъ скончался 26 декабря 1907 года. Русское Библиографическое Общество въ память его, какъ своего почетнаго члена, устроило 13 февраля 1908 г. открытое общее собраніе, на которомъ были прочитаны напечатанныя здѣсь сообщенія. Общество сознаетъ, что предлагаемое изданіе не соответствуетъ тому крупному значенію, какое имѣетъ для нашей литературы покойный библиографъ и редакторъ изданій многихъ нашихъ классиковъ, но въ данномъ случаѣ Общество и не имѣло въ виду всесторонне выяснить многополезную дѣятельность Петра Александровича, а желало только подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ тяжелой утраты подѣлиться съ почитателями покойнаго воспоминаніями о немъ своихъ сочленовъ.

**Библиографическіе указатели трудовъ П. А. Ефремова
были составлены и помѣщены:**

1. С. И. Пономаревымъ за 25 лѣтъ (1858—1882 гг.) его дѣятельности— въ „Русской Старинѣ“ 1882 г., т. XXXIII, стр. 803—814 (есть отдѣльный оттискъ, печатанный въ самомъ маломъ числѣ экземпляровъ).

2. Н. М. Лисовскимъ за 1857—1892 гг. въ „Библиографѣ“ 1892 г., № 12, стр. 434—440. Этотъ послѣдній указатель составленъ при участіи самого П. А. Ефремова и отличается исчерпывающей полнотой.

За время послѣ 1892 г. указателей нѣтъ.

Изъ личныхъ воспоминаній

о П. А. Ефремовѣ.

Русское Библіографическое Общество почтило меня приглашеніемъ подѣлиться съ нимъ, въ настоящемъ собраніи его, моими воспоминаніями о П. А. Ефремовѣ.

Принося Обществу благодарность за эту честь, я принимаю его лестное для меня приглашеніе тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ и готовностью, что, подъ впечатлѣніемъ надавшей еще кончины П. А., самъ чувствую живую потребность помянуть благодарнымъ словомъ знаменитаго нашего библіографа, неизмѣннымъ расположеніемъ котораго я пользовался.

Знакомство мое съ Петромъ Александровичемъ завязалось лѣтъ 15 тому назадъ, когда онъ, по окончаніи службы въ Петербургѣ и по выходѣ въ отставку, перешагнулъ на жительство въ родную Москву, въ свой собственный домъ, въ Савеловскомъ переулкѣ, на Остоженкѣ, въ приходѣ Воскресенской церкви, къ которой незадолго передъ тѣмъ я опредѣленъ былъ во священника. Домъ этотъ—небольшой двухъэтажный особнякъ, самой простой архитектуры (въ видѣ ящика), безъ всякихъ деталей частей и украшеній.

Первое свиданіе мое съ П. А. состоялось въ ближайшій по приѣздѣ его въ Москву престольный нашъ праздникъ, когда я прибылъ къ нему „со святыней“. Въ залѣ нижняго этажа, увѣшанной портретами и картинами, уставленной шкафами съ книгами, посрединѣ которой стоялъ столъ съ папками разныхъ размѣровъ, встрѣтилъ меня хозяинъ

дома, — человекъ довольно высокаго роста, нѣсколько сутуловатый, съ худощавымъ лицомъ, при выдающихся скулахъ, съ просѣдью, особенно на вискахъ, гладко причесанныхъ книзу, и съ большими блестящими черными глазами. Когда я рекомендовался ему, онъ въ свою очередь назвалъ себя. Тутъ-то я сообразилъ, принявъ во вниманіе и „ученую“ обстановку комнаты, что передо мною тотъ самый Ефремовъ, имя котораго мнѣ было извѣстно еще съ семинарской скамьи, когда мы брали въ руки и читали сочиненія Пушкина и другихъ первоклассныхъ нашихъ писателей, изданныя подъ его редакціей. — „Вы — извѣстный издатель русскихъ классиковъ?“ — обрадовался я своему открытію. — „Онъ самый“, отвѣчалъ П. А., засмѣявшись; при чемъ прищурившіеся глаза его приняли необыкновенно милое, привѣтливое выраженіе. Тогда-же П. А. сообщилъ мнѣ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о себѣ, о своихъ предкахъ, родныхъ и знакомыхъ — старожилахъ нашего прихода.

Такъ началось наше знакомство, которое поддерживалось потомъ взаимными посѣщеніями и перепиской. Какъ пріятно, бывало, въ дождливый осенній вечеръ посидѣть, у П. А-ча, среди уютной обстановки его кабинета, разсматривать бібліографическія рѣдкости, собранія портретовъ и гравюръ, или весною, въ его тѣнистомъ садикѣ, подъ отдаленный гулъ городского движенія, слушать занимательные рассказы привѣтливаго хозяина о московской старинѣ, объ его личной жизни и служебной дѣятельности, или объ его научныхъ и литературныхъ трудахъ и знакомствахъ! Въ этихъ рассказахъ выливался весь П. А., съ его наблюдательностью, острымъ критическимъ умомъ, съ добродушнымъ, а подчасъ и саркастическимъ юморомъ.

Рассказы его, всегда интересные, нерѣдко въ свое время записывались мною. Позволю себѣ привести здѣсь нѣкоторые изъ нихъ, имѣющіе автобіографическій характеръ.

П. А —уроженецъ нашего Воскресенско-Остоженскаго прихода и родился въ 1830-мъ году*).

Крестная мать П. А.—ча, урожденная Воейкова, происходила изъ рода Савеловыхъ, къ которому принадлежалъ патріархъ всероссійскій Іоакимъ. Домъ дворянъ Савеловыхъ, давшій названіе переулку, гдѣ онъ находился, переходилъ потомъ къ разнымъ владѣльцамъ, а нынѣ занять Троицкой больницей. Воейкова, по выходѣ замужъ, жила въ другомъ приходѣ, за Москвой рѣкой; П. А. помнилъ ее уже глубокой старушкой. Своего камердинера, такого же стараго, какъ и сама, она называла всегда „малымъ“,—словно подростка: „малый, по дай мнѣ носовой платокъ!“—и старый—„малый“, сколько хватало старческой прыти, спѣшилъ исполнить приказаніе, хотя платокъ находился тутъ же, гдѣ-нибудь подъ рукой у нея.

Ребенкомъ П. А. ходилъ со своей бабушкой молиться въ ближайшія приходскія церкви, а также въ Алексѣевскій и Зачатіевскій монастыри, изъ которыхъ первый находился тогда на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Храмъ Спа-

*) Здѣсь излишне привести выписку о рожденіи и крещеніи П. А. изъ метрическихъ книгъ нашей Воскресенской, на Остоженкѣ, церкви за означенный 1830-ый годъ.

Мѣсяцъ Ноябрь.

Число	У маіора и кавалера	Число	Воспріемникомъ былъ
рожденія	Александра Стефановича Ефремова	крещенія	7-го класса (sic) Митрофанъ Андреевичъ Кирепинъ, воспріемницею была коллежская асессорша Варвара Александровна Тепелнева; оное
2.	родился сынъ <i>Петръ</i> ; молитвословилъ священникъ Егоръ Васильевъ.	6.	крещеніе исправляли: Священникъ Егоръ Васильевъ. Діаконъ Михаилъ Александровъ. Дьячекъ Иванъ Гавриловъ. Пономарь Никита Николаевъ.

сителя. Разъ прйдя въ церковь Алексѣевского монастыря, бабушка стала по обычаю дѣлать земной поклонъ; воспользовавшись этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, внучекъ сѣлъ ей на спину верхомъ, и тѣмъ доставилъ нѣсколько веселыхъ минутъ богомольцамъ. За это бабушка долго упрекала его потомъ, когда онъ уже подросъ, хотя самъ онъ совершенно не помнилъ этого обстоятельства — сидѣнья верхомъ на бабушкиной спинѣ за церковной службой. Ему памятно было, какъ, при уничтоженіи этого монастыря, онъ однажды взглянул на него изъ окна своей дѣтской комнаты и увидѣлъ, что мастеръ, снимавшій крестъ съ колокольни, летитъ вмѣстѣ съ крестомъ внизъ, кувyrкаясь въ воздухъ: несчастный, конечно, разбился на-смерть. Въ томъ же Савеловскомъ переулкѣ, гдѣ находится домъ Ефремова, на углу съ Остоженкой, есть владѣнье Алексѣевского монастыря. П. А. сказывалъ, что при мошениі здѣсь тротуара употреблялись большія надгробныя плиты, привезенныя изъ того мѣста, гдѣ находился этотъ монастырь, на которыхъ онъ читывалъ надписи, сдѣланныя вязью.

Изъ далекаго же своего дѣтства П. А. вспоминалъ не безъ юмора о нѣкоторыхъ типичныхъ личностяхъ того времени, жившихъ въ приходѣ Воскресенско-Остоженской церкви. Приходъ этотъ былъ полонъ знати; въ немъ жило до пяти сенаторовъ. Одинъ изъ нихъ, генералъ Поттонъ, квартировалъ именно у Ефремовыхъ. Старикъ былъ доброй души, но, вспыльчивый до крайности, кипятиться любилъ. Въ минуты гнѣва онъ кричалъ на весь Савеловскій переулокъ. Передъ самымъ окномъ его квартиры стоялъ уличный фонарь. Разъ онъ увидѣлъ, что въ фонарь одно стекло разбито. Это его возмутило. Онъ выждалъ прихода фонарщика, и, просунувъ въ форточку голову, распекъ его за беспорядокъ и строго-на-строго приказалъ, чтобы стекло завтра-же утромъ было непременно вставлено. На другой день фонарь оказался въ прежнемъ неисправномъ видѣ. Генералъ разсвирѣпѣлъ.

Въ страшномъ гнѣвѣ, онъ приказалъ дворнику: „ступай, перебей всѣ стекла въ фонарѣ, — тогда поневолѣ вставятъ“. Приказаніе было въ точности исполнено. На другой день въ фонарѣ всѣ стекла оказались дѣйствительно вставленными. Этотъ же Поттонъ, на пожаръ, случившемся рядомъ съ домомъ Ефремовыхъ, увидѣвъ, что на дворъ къ нимъ пожарные бросаютъ горящія головни, вскипѣлъ страшнымъ гнѣвомъ и негодованіемъ на нихъ: „вы ѣздите не заливать пожаръ, а поджигать дома. Да что-же это такое? Да я васъ“.... Досталось и самому оберъ-полицеймейстеру. Голосъ сенатора возымѣлъ свое дѣйствіе: всѣ головешки были быстро потушены; не раздайся онъ, дому Ефремовыхъ, вѣроятно, пришлось бы сгорѣть.

Въ переулкѣ, противъ дома Ефремовыхъ, жила старая дворянка Муравьева, состоявшая съ ними въ знакомствѣ. Когда Ефремовы ходили къ ней, она тотчасъ отдавала имъ визитъ. Бывало, поѣдетъ непременно въ каретѣ, запряженной четверкою лошадей цугомъ, съ двумя лакеями на запяткахъ и верховымъ фореиторомъ. Едва успѣетъ карета совсѣмъ выѣхать изъ своего двора, какъ передняя пара лошадей съ фореиторомъ уже въѣзжаетъ во дворъ дома Ефремовыхъ.—Если Муравьева любила всегда выѣзжать такъ торжественно, то другая прихожанка Воскресенской церкви, княгиня Девлетъ-Кильдеева, жившая въ Зачатьевскомъ переулкѣ, имѣла свой выѣздъ гораздо болѣе упрощенный, но за то и болѣе оригинальный. У нея была маленькая карета, напоминавшая собою курятникъ, которую возили не лошади, а люди. П. А. помнилъ, какъ эта каретка, безъ лошадей, стояла у церкви Воскресенія или у Зачатьевского монастыря, когда пріѣзжала сюда молиться старая княгиня. Возили ее два камердинера, такіе же старые, какъ и она сама.

П. А. учился въ 1-й здѣшней гимназіи. Къ этому времени относится воспоминаніе его о томъ, что ему пришлось отвѣчать на экзаменъ по Закону Божію передъ

митроп. Филаретомъ. Онъ боялся, какъ бы не достался ему текстъ, — *семьдесятъ седмиць сократишася...* Къ счастью, этого не случилось, и отвѣтъ былъ вполне удачный. Памятна была Ефремову такая картина экзамена: въ присутствіи Филарета всѣ сидятъ, только законоучитель, Антипьевскій священникъ Надеждинъ, стоитъ. Такое отношеніе м. Филарета къ духовенству П. А. называлъ прямо—неприличнымъ: „какой—нибудь послѣдній нѣмчура, классный наставникъ, сидитъ, а почтенный, уважаемый законоучитель стоитъ, неудостоенный митрополитомъ приглашенія сѣсть, точно школьникъ, наказанный стояніемъ за какую нибудь провинность. Даже мы, ребята, чувствовали себя неловко. Этимъ Филаретъ незаслуженно унижалъ духовенство и поступалъ при этомъ, — какъ хотите,—вопреки требованіямъ простого приличія“ *).

По окончаніи университетскаго образованія, П. А. поступилъ на службу въ военно-инспекторскій департаментъ, находившійся тогда подъ управленіемъ Михаила Николаевича Муравьева. Передъ отъѣздомъ въ Вильну, для усмиренія польскаго возстанія, Муравьевъ торжественно прощался со своими подчиненными и сослуживцами, въ числѣ которыхъ находился и П. А.-чъ. Одинъ изъ нихъ замѣтилъ тогда Муравьеву: „трудновато будетъ вамъ, Михаилъ Николаевичъ, справиться съ охватившимъ весь край мятежемъ“; на это Муравьевъ спокойнымъ, но рѣшительнымъ тономъ отвѣтилъ: „а я повѣшу только

*) „Униженное“ положеніе подчиненныхъ лицъ предъ м. Филаретомъ объясняется не личною гордостью его и пренебреженіемъ къ нимъ, а господствовавшимъ тогда въ духовенствѣ духомъ строгаго монашескаго смиренія младшихъ предъ старшими, низшихъ предъ высшими. Самъ Филаретъ отдалъ дань духу своего времени, когда, будучи уже знаменитымъ архимандритомъ—ректоромъ Спб. академіи, не позволялъ себѣ сѣсть въ присутствіи митр. Амвросія и на его приглашенія садиться отвѣчалъ одними низкими поклонами. Записки барона Штейнгеля. Истор. Вѣстн. 1900 г., июнь, стр. 818.

одного ксендза, и все будетъ покойно“. И дѣйствительно, по прибытіи въ мятежный край, онъ началъ тамъ расправу именно съ ксендзовъ, какъ главныхъ подстрекателей и вдохновителей поляковъ къ возстанію противъ Россіи, —и мятежъ быстро былъ подавленъ.

Живя все время въ Петербургѣ, П. А. состоялъ въ знакомствѣ почти съ одними петербургскими учеными и писателями; въ Москвѣ онъ такихъ знакомствъ не имѣлъ.

Съ Некрасовымъ и Лѣсковымъ онъ состоялъ въ близкихъ, пріятельскихъ отношеніяхъ. Въ одно изъ посѣщеній Ефремовымъ Некрасова, слуга принесъ хозяину пакетъ. Некрасовъ, прочитавъ письмо, вынулъ изъ кармана 25-ти рублевую бумажку и приказалъ чело-вѣку передать ее просителю. „Кому это вы?“ спрашиваетъ его П. А. „Да, вотъ, одинъ студентъ просить пособія, —нечѣмъ заплатить за лекціи“. „А кто-же этотъ студентъ?“ „Не знаю; онъ въ первый разъ ко мнѣ обращается“. — „И вы совершенно незнакомому просителю находите возможнымъ повѣрить и дать ему 25 рублей?“ „Да вѣдь это студентъ, а студентъ не обманетъ; ужъ если рѣшается просить, то значить бѣднягѣ приходится туго!“ Вопреки ходячей молвѣ, П. А. увѣрялъ, что Некрасовъ добросовѣстно расплачивался со своими сотрудниками по журналу, платилъ имъ щедро и даже впередъ. Появленіе въ печати крайне нелестныхъ отзы-вовъ и мнѣній о Некрасовѣ, какъ чело-вѣкѣ, П. А. объяс-нялъ тѣмъ, что тотъ рѣзко и презрительно обошелся съ нѣкоторыми лицами при прекращеніи изданія „Совре-менника“, въ виду неустойчивости и неискренности ихъ убѣжденій и дѣйствій.

Съ Достоевскимъ П. А. былъ также знакомъ, хотя и неблизко. Изъ его жизни П. А. передавалъ любопытный эпизодъ. По осужденіи Фед. Мих., за участіе въ дѣлѣ Петрашевскаго, въ солдаты, онъ, чтобы улучшить свое положеніе, написалъ, по поводу кончины импе-ратора Николая Павловича, патріотическое стихотво-

реніе, съ посвященіемъ его вдовствующей императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Стихотвореніе слабое, но, какъ патріотическое, притомъ написанное рядовымъ, было представлено государынѣ, пройдя чрезъ военно-инспекторскій департаментъ, въ которомъ служилъ Ефремовъ. Рукою Ефремова была писана и переписана бумага, при которой оно представлялось новому государю. За упомянутое стихотвореніе Ѳ. М. получилъ унтеръ-офицерскій чинъ.

Любопытны сообщенія П. А. о Горбуновѣ, извѣстномъ разсказчикѣ изъ народнаго быта. Горбуновъ, какъ извѣстно, любилъ изображать изъ себя нѣкоего генерала Дитятина, строго и критически относившагося къ новымъ вѣяніямъ въ наукѣ и жизни. Однажды П. А. встрѣтился съ Горбуновымъ у Семевского. Тутъ былъ и Иловайскій, незадолго до того написавшій изслѣдованіе о призваніи Варяговъ. Желая пошутить на счетъ Иловайскаго, П. А. обратился къ Горбунову, какъ къ генералу Дитятину, съ такими словами: „А вотъ, ваше превосходительство, у насъ тутъ появился историкъ-еретикъ, который утверждаетъ, что призванія Варяговъ не было!“ — „Какъ не было?“ — возразилъ Горбуновъ, тотчасъ вступивъ въ роль генерала Дитятина и построивъ важную и гнѣвную мину; — „откуда же Рюрикъ взялся? А вѣдь онъ несомнѣнно существовалъ; въ исторіи Похорскаго даже портретъ его есть; тамъ онъ съ молоткомъ сидитъ, а Игорь съ копьемъ; ишь, что выдумали: Варяговъ не было! Да въ наше время, при блаженной памяти Николаѣ Павловичѣ, за это бы“... И пошелъ и пошелъ горячиться „его превосходительство“. Роль генерала Дитятина Горбуновъ и тутъ провелъ съ неподражаемымъ комизмомъ, вполне артистически. Разсказывая этотъ случай, П. А. признавался, что онъ до толѣ и самъ не зналъ о существованіи русской исторіи Похорскаго, да еще съ портретами князей и царей, и подумалъ сначала, что Горбуновъ тутъ „просто сочи-

няеть“, но по справкѣ оказалось, что такая книжка дѣйствительно была напечатана, и „генераль Дитятинъ“, имѣвшій случай ее видѣть когда-то, совершенно вѣрно привелъ изъ нея „непререкаемое свидѣтельство“ въ пользу признанія дѣйствительности Рюрика. Такъ удивительно памятливъ и находчивъ былъ И. Ѳ. Горбуновъ!

Въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ П. А. состоялъ съ извѣстнымъ историкомъ К. Н. Бестужевымъ—Рюминымъ. Помню, какъ Ефремовъ былъ опечаленъ его кончиной. „Я лишился искренняго друга въ лицѣ Константина Николаевича; это былъ человѣкъ прекраснѣйшей души“, —говорилъ онъ. Бестужева—Рюмина очень чтилъ государь Александръ Александровичъ, слушавшій у него уроки по исторіи въ бытность свою наслѣдникомъ. Одному букинисту на Садовой, Панькову, отданъ былъ на комиссію, для продажи, портретъ предка историка, канцлера Елизаветинскаго времени. Петръ Александровичъ, зайдя какъ-то къ букинисту, замѣтилъ, что портрета нѣтъ, и полюбопытствовалъ узнать о судьбѣ его. Торговецъ объяснилъ, что у него въ магазинѣ изволилъ быть наслѣдникъ — цесаревичъ, заинтересовался портретомъ, и, спросивъ цѣну, сказалъ, что покупаетъ его, а деньги вышлетъ изъ канцеляріи; при этомъ приказалъ снести портретъ К. Н. Бестужеву—Рюмину, собственно-ручно написавъ на задней сторонѣ рамы адресъ Бестужева: Васильевскій островъ, тамъ-то. „Какая это была любезность со стороны государя—наслѣдника къ своему учителю!“—замѣчаетъ Ефремовъ.

Къ числу близкихъ друзей П. А-ча принадлежалъ писатель—историкъ Мих. Дм. Хмыровъ. Это былъ порядочный оригиналъ, обыкновенно носившій русскій кучерской нарядъ. Треповъ, проѣзжая по Невскому, встрѣтилъ его идущаго въ такой одеждѣ, заинтересовался его личностью; пристально посмотрѣвъ ему вслѣдъ, приказалъ поворотить своихъ лошадей, вышелъ изъ экипажа и, остановивъ Хмырова, спросилъ его: „вы гдѣ

служите?“ — „Теперь нигдѣ не служу; раньше служилъ“. — „Гдѣ же?“ — „Въ Измайловскомъ полку офицеромъ“. — „При императорѣ Николаѣ?“ — „Да, при имп. Николаѣ“. — „И бывали у него на смотру?“ — „Какъ же! Проводилъ мимо него свой батальонъ“. Послѣ такого опроса Треповъ раскланялся и поѣхалъ дальше. Однажды Хмыровъ проходилъ плацъ-парадомъ, что было запрещено. Приставъ увидалъ его и сталъ кричать: „эй, кучеръ, куда идешь? ворота назадъ!“ Хмыровъ идетъ себѣ спокойно, не обращая вниманія на окрики. Возмущенный его неповиновеніемъ, приставъ догоняетъ его и строго говоритъ: „какъ ты смѣешь меня не слушаться?“ Тотъ отвѣчаетъ: „да вѣдь вы кричали какому-то кучеру; а такъ какъ я не кучеръ, то вашихъ окриковъ и не отношу къ себѣ“.

М. Д. Хмыровъ, подъ псевдонимомъ Хмурова, принималъ съ П. А. участіе въ изданіи книги: „Собраніе анекдотовъ четырехъ увеселительныхъ шутовъ“ *). Когда эта книга вышла въ свѣтъ, одинъ экземпляръ ея П. А. отправилъ съ посыльнымъ къ К. Н. Бестужеву-Рюмину предъ самымъ собраніемъ у него гостей на вечеринку (такія собранія бывали по понедѣльникамъ), и самъ пошелъ къ нему съ Хмыровымъ. У Бестужева уже сидѣли извѣстный ученый С. и еще кое-кто. Вскорѣ подана была хозяину посылка „отъ неизвѣстнаго“. Онъ тутъ же вскрылъ ее и увидѣлъ предъ собою книжку съ анекдотами четырехъ шутовъ. Заинтересованный ею, онъ началъ читать вслухъ первый попавшійся на глаза анекдотъ. Въ немъ разсказывается, какъ въ турецкомъ государствѣ предназначенныя на воспитаніе бѣдныхъ дѣтей деньги одинъ тароватый сановникъ взялъ на содержаніе своихъ собственныхъ сыновей, оправдывая себя тѣмъ, что дѣти бѣдняковъ снесли бы эти деньги въ самые грязные кабаки, а его сынки прокутятъ ихъ въ лучшихъ

*) СПб. 1869 г.

первоклассныхъ ресторанахъ *) Прослушавъ этотъ анекдотъ, С. тотчасъ всталъ и началъ прощаться съ Бестужевымъ, говоря, что ему нужно спѣшигъ на какое-то ученое засѣданіе. Оказалось, что этотъ анекдотъ, совершенно случайно, попалъ С-ну „не въ бровь, а въ глазъ“. С. получалъ годового дохода тысячъ до семи (изъ университета и Академіи Наукъ), и однако же онъ выпросилъ для своихъ сыновей стипендій, которыхъ и выдавалось рублей по 300 каждому.

Кромѣ литераторовъ и ученыхъ, П. А. имѣлъ въ Петербургѣ обширное знакомство съ книгопродавцами и букинистами.

Одинъ изъ нихъ, букинистъ К-въ, — рассказывалъ П. А.-чъ — купилъ знаменитую бібліотеку кн. Воронцова за три съ половиною тысячи, а самъ нажилъ на ней, какъ говорятъ, тысячъ до пятнадцати. К. сталъ продавать книги изъ этой бібліотеки въ розницу. Извѣстный историкъ ген. Шильдеръ, боясь упустить что-либо цѣнное изъ этихъ книгъ, приходилъ къ К. рано утромъ, когда лавка была еще заперта, прохаживался передъ ней, точно часовой, и когда она отпиралась, то, при распаковкѣ новаго ящика съ книгами, плотно прижимался къ нему и старался всячески оттереть отъ него другого покупателя, которому приходилось ограничиваться лишь тѣми книгами, какія тотъ отбрасывалъ въ сторону, какъ ему ненужныя.

Этотъ книгопродавецъ К. сказывалъ Ефремову, что продалъ одному лицу экземпляръ „Путешествія“ Радищева за 800 р.! Извѣстно, что это сочиненіе Радищева составляетъ величайшую бібліографическую рѣдкость, ибо изданіе его, по приказу императр. Екатерины, было сожжено, какъ безусловно вредное; уцѣлѣло лишь нѣсколько (30) экземпляровъ. Въ немъ Радищевъ, какъ извѣстно, возставалъ противъ крѣпостного права, принявшаго чудовищные размѣры при этой всемилостивѣй-

*) „Собр. анекдотовъ“. Куликовскій и Шумахеръ. Стр. 181—182.

шей и либеральнѣйшей государынѣ, когда семьи продавались вразбродъ, — родители въ одну сторону, сынъ — въ другую, дочь — въ третью, — также противъ чванства и привередничества Потемкина, который изъ Тавриды посылалъ курьеровъ въ Москву за петрушкой и награждалъ ихъ за исполненіе подобныхъ порученій чинами и орденами, — противъ придворнаго чиновничества, которому давались совсѣмъ не по достоинству и не по заслугамъ высшія административныя должности (напр. губернаторовъ).

Здѣсь кстати упомянуть, что въ позднѣйшее время, когда крѣпостное право, противъ котораго писалъ Радищевъ, отошло въ область исторіи, и жизнь приняла новое теченіе, явились попытки издать Радищева вновь, какъ литературно-историческій памятникъ. Пытался сдѣлать это и нашъ П. А-чъ. Онъ приступилъ къ печатанію новаго изданія Радищева — на свой страхъ, питая надежду, что въ неблагопріятномъ случаѣ судъ министровъ заставитъ исключить развѣ лишь нѣкоторыя страницы. Однажды приходитъ къ Ефремову, какъ старый знакомый, пріѣхавшій въ Петербургъ орловскій губернаторъ М. Н. Лонгиновъ и застаётъ его за корректурой Радищева. „Охота вамъ П. А-чъ“, — замѣчаетъ онъ — „издавать такую книгу: крѣпостного права теперь нѣтъ, и вообще къ современной жизни она отношенія не имѣетъ, а потому печатаніе ея едва-ли принесетъ вамъ какую-нибудь выгоду“. — „А я такъ думаю, — возражаетъ П. А., — что въ книгѣ Радищева есть интересныя мѣстечки, непотерявшія значенія и для нашего времени, которыя министерская цензура, пожалуй, заставитъ выпустить“. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, П. А-чъ узнаетъ о назначеніи М. Н. Лонгинова начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Одинъ изъ знакомыхъ П. А-ча сказалъ ему: „теперь, благодаря М. Н-чу ваше изданіе Радищева увидитъ свѣтъ“. Ефремовъ, уже предчувствовавшій, что изданію этому отъ новаго начальника цензурнаго Упра-

вленія пошады не будетъ, отвѣчалъ съ добродушной ироніей: „да, увидить не только свѣтъ, но и дымъ“. Дѣйствительно, все изданіе Радишева, согласно заключенію Управленія по дѣламъ печати, по докладу министра внутр. дѣлъ, комитетомъ министровъ опредѣлено было сжечь, и оно было сожжено на Стеклянномъ Заводѣ *). При конфискаціи изданія Ефремовъ не успѣлъ получить изъ типографіи и тѣхъ первыхъ экземпляровъ, прислать которые онъ просилъ, предвидя бѣду, какъ можно скорѣе, и которые были уже запакованы для отправки къ нему.

Впрочемъ, экземпляры эти не погибли, и они все-таки попали къ Ефремову, хотя и окольнымъ путемъ и неожиданнымъ для него самого образомъ. Въ то время жилъ въ Петербургѣ нѣкто Семень Андреевъ, по профессіи „книжникъ“, коммиссіонеръ по отыскиванію и продажѣ библіофиламъ книжныхъ рѣдкостей; его прозывали Гумбольдтомъ **). П. А. въ благодушно-юмористическомъ тонѣ описывалъ его дѣятельность, часто соединявшуюся съ плутовствомъ: узнаетъ Гумбольдтъ, что гдѣ-нибудь имѣется рѣдкая книга, отыскиваемая библіофилами, и вымѣняетъ ее у владѣльца на какой-нибудь грошовый сонникъ или хиромантію, а если можно, то и похитить. Самою вѣщностью своей, — рыжий, съ вкрадчивыми манерами, съ осторожной поступью, — онъ ни въ комъ не внушалъ къ себѣ особаго довѣрія ***). Что такое былъ этотъ Семень, можно видѣть

*) Это было въ 1872 году.

**) „Прозваніе Гумбольдта онъ получилъ отчасти потому, что своею физіономією (фигурою) дѣйствительно былъ похожъ на бюстъ Гумбольдта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потому, что любилъ пофилософствовать“. Н. И. Свѣшниковъ, Книгопродавцы-апраксинцы. Историч. Вѣстн. 1897 г., августъ, стр. 411.

***) Съ этимъ отзывомъ Ефремова совпадаетъ слѣдующій отзывъ Свѣшникова о Гумбольдтѣ: „Онъ нерѣдко прибѣгалъ и къ разнымъ неблаговиднымъ поступкамъ, какъ со своими покупателями, такъ и съ торговцами, и наконецъ уже не пользовался ничѣмъ довѣріемъ; но все-таки его вездѣ терпѣли и принимали, потому что чрезъ него можно было достать какую угодно книгу, хотя бы она

изъ слѣдующихъ фактовъ. Во время конфискаціи одного изданія онъ присвоилъ было печать Главнаго Управленія по дѣламъ печати, вѣроятно съ цѣлю приспособить ее для какихъ-либо своихъ операций. Хватились ея, когда онъ преспокойно шелъ домой. Его остановили на дорогѣ и тутъ же подвергли допросу, какъ очутилась у него пропавшая печать, Семень нашелся, что отвѣтить: „помилюйте,—заговорилъ онъ тономъ благороднаго негодованія,—чиновники и служащіе Управленія ушли изъ типографіи (на самомъ же дѣлѣ, какъ оказалось, двое еще оставались тамъ), а печати съ собой не захватили,—забыли! Что, если бы такая важная вещь пропала? Вотъ я и взялъ ее, чтобъ отнести въ Управленіе“... Повѣрили ли его объясненію чиновники, или не хотѣли возбуждать дѣло изъ опасенія, чтобы онъ не втянулъ ихъ въ непріятную исторію, только его отпустили. Однажды онъ выходитъ изъ воротъ Аничкова дворца, гдѣ жилъ на слѣдникъ, и несетъ подъ мышкой большой узелъ. Посто-
вому онъ показался человѣкомъ подозрительнымъ; его пригласили въ полицію и тамъ нашли у него въ узлѣ Колоколь и другіе запретные плоды нелегальной литературы. Это онъ хотѣлъ угостить, да—можетъ быть—уже и угостилъ ими кое-кого изъ служащихъ въ придворномъ вѣдомствѣ. За такой подвигъ его выслали изъ столицы куда-то въ глушь Костромской губерніи*). Соскучился онъ по столичной жизни, не могъ перенести изгнанія — и тайкомъ прибылъ въ Петербургъ. Но скрываться отъ полиціи долго ему было нельзя, и онъ задумалъ добиться права на свободное здѣсь пребываніе. Узнавъ, что извѣстный сановникъ—археографъ Мухановъ давно ищетъ первое изданіе Литовскаго Статута за самыя большія

никогда не поступала въ продажу“. (Ibid. стр. 412). Съ этимъ Семеномъ Андреевымъ Гумбольдтомъ не нужно смѣшивать книгопродавца И. Семенова, почтеннаго человѣка (Ib. стр. 415—416).

*) Нѣчто подобное рассказываетъ Н. И. Свѣшниковъ про другаго ловкаго, проницательнаго книжника, Гавріила В—а. Ib. стр. 408.

деньги, Семень приходитъ къ нему съ докладомъ: „ваше высокопревосходительство, Литовскій Статутъ продается!“ — „Гдѣ, гдѣ?“ — всполошился старикъ; — „непремѣнно сегодня же принеси“. — „Я бы принесть, — отвѣчаетъ Семень, — да боюсь открыто ходить здѣсь: какъ бы не забрали...“ — „Почему?“ — „Да Треповъ выслалъ меня отсюда“. — „За что?“ Гумбольдтъ разсказалъ исторію своей высылки въ такой, конечно, формѣ, что онъ являлся жертвою какого-то печальнаго недоразумѣнія и полицейскаго произвола. Мухановъ немедленно выхлопоталъ у Трепова право Гумбольдту на свободное проживаниеъ въ Петербургѣ, и при этомъ такъ торопилъ Трепова, что тотъ, пока изготовлялось въ канцеляріи официальное разрѣшеніе, прислалъ Муханову собственноручную записку, разрѣшавшую Гумбольдту пользоваться въ столицѣ правами свободного гражданина. „Вотъ тебѣ разрѣшеніе отъ Трепова; ступай, неси скорѣе Литовскій Статутъ“, — говоритъ Мухановъ Гумбольдту. Вскорѣ Семень приходитъ къ Муханову и печальнымъ тономъ заявляетъ: „несчастье, ваше высокопревосходительство, — вѣдь Литовскій-то Статутъ ужъ проданъ“. Мухановъ, въ досадѣ, схватился за голову: „вотъ эти разныя чиновничьи проволочки и задержки! изъ-за нихъ какую вещь упустилъ!“ На самомъ же дѣлѣ, никакого Литовскаго Статута не продавалось, а Семень поддразнилъ имъ Муханова только затѣмъ, чтобы чрезъ него получить право на жительство въ Петербургѣ. — При своей необыкновенной проницательности, Гумбольдтъ зналъ не только то, у кого есть какая книжная рѣдкость, но и то, гдѣ именно у него она находится. У П. А. — ча было два экземпляра нѣкотораго рѣдкаго изданія. Гумбольдту потребовалось одинъ для кого-то приобрести, и онъ пришелъ торговать его. „У меня этого изданія двѣ книги, — сказалъ П. А. — чъ, — одна вотъ тутъ, на столѣ, подъ рукой, а другая, — право, не помню гдѣ“. — „А она у васъ въ сосѣдней комнатѣ, въ такомъ-то шкафу, на такой-то

полкъ“, — указалъ Семень. И дѣйствительно, П. А — чѣ, къ своему изумленію, именно на указанномъ мѣстѣ и нашелъ эту книгу. Какъ могъ Гумбольдтъ узнать, гдѣ она находится, просто удивленіе!

Такъ вотъ этотъ-то самый Семень Гумбольдтъ сыгралъ такую роль при конфискаціи Ефремовскаго изданія сочиненія Радищева. Провѣдавъ отъ служащихъ въ Главномъ Управленіи печати, что въ такой-то день и часъ, въ такой-то типографіи имѣетъ быть конфискація этого изданія, онъ является въ типографію одновременно съ чиновниками Главнаго Управления, дѣлаетъ видъ, будто помогаетъ имъ въ работѣ по опечатаніи изданія, а самъ незамѣтно беретъ ту самую связку съ книгами Радищева, которая была упакована для отсылки Ефремову, и уноситъ къ себѣ. Въ тотъ же день онъ приходитъ къ Ефремову и говоритъ: „П. А — чѣ, купите у меня Радищева новое изданіе, — рѣдкая вещь!“ Ефремовъ сразу догадался, что Гумбольдтъ принесъ ему именно его изданіе, и отвѣчаетъ: „купить то я бы купилъ, да только съ меня дорого не бери, — вѣдь изданіе-то мое“. Гумбольдтъ все-таки продалъ Радищева издателю его по высокой цѣнѣ.

Такіе-то и подобные рассказы мнѣ приходилось слышать отъ Ефремова. Въ то же время онъ дѣлился со мною своими открытіями и новинками по части книжной или изъ другой какой области, какъ скоро находилъ, что это меня можетъ заинтересовать. Разъ онъ не преминулъ показать мнѣ откуда-то поступившій къ нему подлинный рескриптъ имп. Николая митрополиту Серафиму о пожалованіи ему драгоцѣнной панагіи за духовное содѣйствіе къ усмирению мятежа 14 декабря 1825 года. Зная, что я очень интересуюсь прошлымъ нашего прихода, онъ однажды говоритъ мнѣ: „а я вотъ разбиралъ на дняхъ наши домовыя книги старыхъ временъ и нашелъ, что у насъ въ домѣ, а слѣдовательно въ вашемъ приходѣ, жилъ Бѣлинскій, когда былъ студентомъ“. Это

обстоятельство дало поводъ П. А—чу, въ день 50-лѣтія смерти Бѣлинскаго, устроить по немъ заупокойное богослуженіе именно въ нашемъ храмѣ.

Вниманіе П. А—ча ко мнѣ, скромному приходскому священнику, выражалось и въ томъ, что онъ присылалъ или даже лично приносилъ мнѣ „почетные“ билеты на разныя ученія и литературныя собранія (напр. въ память Грибоѣдова) и юбилейныя выставки (напр. Пушкинскую и Гоголевскую), а также свои изданія (напр. книжку: „Библиографическій сборникъ. 1867 года“, напечатанную въ 100 экземплярахъ); каждую изъ вышедшихъ за послѣднее время подъ его редакціей книгъ онъ обязательно дарилъ мнѣ, обыкновенно съ собственноручнымъ посвященіемъ. Такъ мною получены были отъ него сочиненія Лермонтова, Жуковскаго, Полежаева, Бѣлинскаго и др.. На присланномъ мнѣ полномъ собраніи сочиненій Жуковскаго 1896 г. онъ написалъ, что это „первый, полученный (изъ Петербурга) экземпляръ“.

Встрѣчая со стороны П. А—ча постоянные знаки вниманія и расположенія, я радъ, что хотя однажды могъ оказать ему маленькую услугу. Въ 1899 году, по случаю столѣтія со дня рожденія Пушкина, была устроена въ память его выставка*). Въ организаціи ея принималъ дѣятельное участіе и П. А—чъ. Во время приготовления и собиранія имъ предметовъ для выставки мнѣ довелось быть у него. Я сообщилъ ему, что у меня имѣется гипсовая статуэтка Пушкина, поступившая ко мнѣ изъ дома прихожанъ Мухановыхъ, но къ сожалѣнію, находящаяся въ неисправности, съ отбитыми

*) Кстати: П. А—чъ, въ разговорѣ о судьбѣ предметовъ, связанныхъ съ памятью Пушкина, передавалъ, что сюртукъ, въ которомъ Пушкинъ былъ смертельно раненъ на дуэли, хранился, какъ реликвія, въ особой витринѣ, за стекломъ, въ музеѣ М. П. Погодина; въ день похоронъ Погодина сюртукъ Пушкина былъ кѣмъ-то украденъ и, можетъ быть, какъ предполагалъ П. А., „изрѣзанъ на картузы“...

ногами. „А пришлите-ка мнѣ ее посмотрѣть; можетъ быть, она пригодится намъ“, — сказалъ П. А.—чѣ. Я немедленно ее отправилъ къ нему. И что же? Оказалось, что эта статуэтка работы Теребенева; въ свое время такія статуэтки дѣлались изъ разнаго матеріала, были очень популярны, а теперь составляютъ большую рѣдкость. П. А. отправилъ ее въ Петербургъ для реставраціи; по полученіи ея оттуда въ исправленномъ видѣ, онъ помѣстилъ ее на выставкѣ, гдѣ она обращала на себя вниманіе посѣтителей. „Тотъ, кто привыкъ идеализировать фигуру Пушкина, тотъ, чей взоръ привыкъ къ величественному гиганту, возвышающемуся на Тверскомъ бульварѣ, останется, быть можетъ, недоволенъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ статуэткой Теребенева; но въ ней, Богъ вѣсть почему, чувствуется правда“, — писала тогда одна изъ газетъ. Эта статуэтка обратно поступила ко мнѣ и была на устроенной мною въ январѣ нынѣшняго года Филаретовской выставкѣ. По заказу П. А.—ча, съ нея сдѣланъ былъ въ Петербургѣ гипсовый снимокъ, который и красовался въ его залѣ, на одномъ изъ книжныхъ шкафовъ.

Поселившись въ Москвѣ, П. А. приобрѣлъ здѣсь кругъ искреннихъ и преданныхъ друзей и почитателей, особенно изъ среды библіографовъ и коллекціонеровъ, каковы: П. И. Щукинъ, А. А. и А. П. Бахрушины, С. П. Виноградовъ, А. А. Астаповъ и др. Всѣхъ ихъ онъ принималъ съ любовью и готовностью послужить имъ своими совѣтами и указаніями по ихъ специальности. Но особенно онъ бывалъ радъ принять въ своемъ домѣ петербургскихъ друзей и знакомыхъ, когда они, пріѣзжая въ Москву, считали долгомъ посѣтить его. Помню, однажды я засталъ его въ особенно пріятномъ, довольномъ расположеніи духа: оказалось, что его только что осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ Великій Князь Николай Михайловичъ.

Здѣсь, въ Москвѣ, П. А. не оставлялъ своихъ занятій по собиранію портретовъ и книжныхъ рѣдкостей

и приведенію ихъ въ должный порядокъ. Мнѣ довелось разъ застать его за такой работой: онъ „купалъ въ ванночкѣ какого-то генерала“, т. е. промывалъ старую, прокопѣлую лубочную картину, изображающую рослаго генерала, у ногъ котораго шагаютъ микроскопическіе солдатики. Картина эта должна была, по просушкѣ и подклейкѣ, войти въ его собраніе портретовъ русскихъ дѣятелей. Подобныя вещи или доставлялись П. А.-чу комиссіонерами-торговцами, или были покупаемы имъ самимъ у Сухаревой башни. Мнѣ лично неоднократно приходилось встрѣчать его на Сухаревкѣ и видѣть, съ какою почтительностью и заискивающею улыбкою встрѣчали его торговцы-букинисты и старьевщики, когда онъ подходилъ къ ихъ палаткамъ: „ваше превосходительство“, „ваше превосходительство“, — частенько слышались ихъ обращенія къ нему. А онъ или благодушно улыбался, или, типично вытянувъ губы, слегка поводя глазами и потряхивая головой, отвѣчалъ имъ шуткой и остротой, когда они слишкомъ уже „расписывали“ достоинство и рѣдкость какой-либо предполагаемой ими вещи, въ цѣляхъ продать ее подороже...

Не оставлялъ П. А. въ Москвѣ заниматься и редактированіемъ новѣйшихъ изданій русскихъ классиковъ, по порученію Академіи Наукъ (членомъ которой онъ состоялъ) и петербургскихъ книгопродавцевъ.

8-го сентября 1901 года П. А. прислалъ мнѣ новое изданіе Жуковскаго, въ одномъ томѣ. Это было именно въ день его отъѣзда изъ Москвы на вторичное жительство въ Петербургъ. Первоначально онъ предполагалъ прожить въ Петербургѣ не болѣе года, но послѣ того, какъ почувствовалъ благотворное дѣйствіе петербургскаго климата на свое здоровье, рѣшилъ остаться тамъ навсегда. Вотъ что писалъ онъ мнѣ черезъ годъ послѣ того, какъ уѣхалъ туда, — 29 сентября 1902 года: „Вмѣсто предполагаемаго годичнаго пребыванія въ Петербургѣ, я порѣшилъ остаться здѣсь впредь до отъѣзда на Пятницкое, что за Кре-

стовской заставой“ *). Увѣдомляя меня далѣе, что посылаетъ мнѣ на память изъ своего московскаго дома гипсовое Распятіе, П. А. замѣчаетъ, что оно будетъ доставлено вмѣстѣ со столикомъ, на которомъ стояло еще съ тѣхъ поръ, когда онъ „самъ былъ не выше этого столика“. Въ заключеніе П. А. пишетъ: „Душевно радъ, что мнѣ пришлось съ вами познакомиться, но и душевно сожалѣю, что свиданія были рѣдки. Будьте увѣрены, что я останусь всегда васъ помнящій и искренно уважающій П. Ефремовъ.—Я здѣсь поздоровѣлъ и совсѣмъ молодцомъ сталъ“. На это письмо я отвѣчалъ своимъ, которымъ выразилъ чувства полной благодарности и уваженія П. А.—чу,—и послѣ того переписка между нами кончилась.

Слыша, за послѣднее время, о постепенно угасавшихъ силахъ П. А—ча, объ его предсмертной болѣзни, я, на основаніи приведеннаго письма его ко мнѣ, все же надѣялся, что намъ, московскимъ друзьямъ, знакомымъ и почитателямъ его, если уже и не придется увидѣть его въ живыхъ, по крайней мѣрѣ дано будетъ утѣшеніе поклониться его праху, когда онъ прибудетъ изъ Петербурга на Пятницкое, что за Крестовской заставой. Но вотъ и этого мы были лишены. Жаль, глубоко жаль, если чисто случайныя обстоятельства помѣшали осуществиться, очевидно, завѣтному желанію П. А. быть погребеннымъ среди родныхъ могилъ, а отсюда и нашей надеждѣ—лично проводить почившаго къ вѣчному покою и этимъ отдать ему свой послѣдній долгъ**).

Свящ. Н. Миловскій.

*) Одно изъ кладбищъ въ Москвѣ.

**) Вѣроятно, въ бумагахъ П. А--ча осталась моя рукопись, содержащая часть историческихъ и бытовыхъ очерковъ нашего Воскресенскаго, на Остоженкѣ, прихода, записанныхъ, главнымъ образомъ, съ его словъ и по содержанію весьма любопытныхъ. Я отдалъ ему эту рукопись для просмотра, дополненія и исправленія, гдѣ нужно. Рукопись онъ, какъ самъ говорилъ, дополнилъ новыми данными, но куда-то такъ далеко „запирялъ“, что, къ моему сожалѣнію, никакъ не могъ отыскать ея.

П. А. Ефремовъ,

какъ собиратель.

Изъ личныхъ воспоминаній С. П. Виноградова.

Знакомство мое съ Петромъ Александровичемъ Ефремовымъ началось въ Москвѣ въ 1894 году, когда онъ жилъ въ отставку въ своемъ домѣ въ Савеловскомъ переулкѣ, на Остоженкѣ. Онъ занималъ небольшой особнякъ, всѣ комнаты котораго представляли изъ себя хранилище книгъ, гравюръ и т. под. Книги, преимущественно журналы, непомѣщавшіяся въ комнатахъ, были сложены отдѣльно въ сараѣ во дворѣ. Не описывая всей квартиры, остановлюсь нѣсколько на описаніи того кабинета, въ которомъ всего больше проводилъ время самъ хозяинъ и гдѣ принималъ онъ своихъ посѣтителей. Всякій, входившій къ нему, уже съ первыхъ шаговъ попадалъ въ обстановку, совершенно отличную отъ обыкновенной. Еще въ полутемной передней стѣны покрыты полками съ книгами, а свободные промежутки увѣшаны гравюрами и лубочными картинами. Изъ передней дверь вела въ обширную свѣтлую комнату, двѣ стѣны которой были также заняты деревянными открытыми книжными полками; справа отъ входа были собраны роскошныя изданія большаго формата, лѣвая же сторона занята до половины книгами обыкновеннаго фор-

мата; слѣва же между окнами стоялъ небольшой красного дерева съ стеклянными дверцами шкафъ, наполненный книгами исключительной рѣдкости и изъятими изъ обращенія. Середину комнаты занималъ очень длинный изъ простаго дерева столъ, покрытый темнымъ коленкоромъ и весь заваленный большими папками съ гравюрами и литографіями; на полу подъ столомъ также наложены папки меньшаго размѣра. Свободныя отъ книжныхъ полокъ стѣны и простѣнки оконъ увѣшаны гравюрами и фотографіями, преимущественно портретами русскихъ писателей. Тутъ не мало было и другихъ вещей, интересныхъ въ историческомъ и художественномъ отношеніяхъ: гипсовая маска Пушкина, его-же статуетка работы Теребенева, большой масляный портретъ Н. И. Новикова, портретъ Бѣлинскаго, рисованный Редеромъ, съ оригинала Языковой, незадолго до его смерти и единственный экземпляръ фотографіи съ картины К. Горбунова, изображающей Бѣлинскаго мертвымъ; рисованный карандашемъ портретъ А. Ѳ. Воейкова въ домѣ сумасшедшихъ; рѣдкіе портреты Гоголя (литографія Венеціанова), Герцена и Грановскаго (литографіи К. Горбунова) и много другихъ. Особенное вниманіе обращали двѣ большія картины подъ стеклами: одна—гравюра Скородумова, изображающая смерть Потемкина, другая съ картины В. Якоби „Шуты Императрицы Анны Ивановны“, фотографія, раскрашенная самимъ художникомъ и изданная только въ двухъ экземплярахъ. Въ глубинѣ комнаты, между окнами на улицу, стоялъ большой письменный столъ, надъ которымъ также навѣшаны фотографическіе и другіе портреты, между которыми выдѣлялись два прекрасные миниатюрные живописные портрета князя И. А. Гагарина и его супруги Екатерины Семеновны, нѣкогда извѣстной артистки Семеновой. Столъ весь заваленъ книгами и за нимъ, всегда съ какой-нибудь книгой въ рукахъ, сидѣлъ хозяинъ дома, Петръ Александровичъ Ефремовъ.

Общительный и словоохотливый, онъ радушно встрѣчалъ каждого, къ нему прибывшаго, и охотно готовъ былъ съ нимъ дѣлиться неисчерпаемыми сокровищами своихъ знаній и своего собранія. Чего у него не было! Его громадная библіотека (при перевозкѣ оказавшаяся въсомъ больше 2000 пудовъ) особенно отличалась необычайнымъ богатствомъ и умѣлымъ подборомъ книгъ и статей по русской литературѣ, при чемъ журнальныя статьи въ вырѣзкахъ и оттискахъ были переплетены отдѣльными сборниками, и такихъ сборниковъ было великое множество. Въ отдѣлѣ иллюстрированныхъ изданій библіотека Ефремова заключала множество самыхъ удивительныхъ рѣдкостей, которыя отчасти создавались самимъ владѣльцемъ библіотеки; такъ напримѣръ экземпляръ рѣдчайшаго „Театральнаго альбома“, изданнаго Араповымъ, имѣлъ двойной комплектъ портретовъ и рисунковъ: одинъ раскрашенный, другой черный, въ такомъ же видѣ были: атласъ къ путешествію Литке и альбомъ видовъ села Влахернскаго; атласъ къ изданію Ровинскаго лубочныхъ картинъ былъ переплетенъ вмѣстѣ съ подлинниками и т. под. Книги его библіотеки почти всѣ были въ самыхъ скромныхъ переплетахъ и на каждой книгѣ былъ наклеенъ его „ex libris“ въ видѣ простаго печатнаго ярлычка (онъ изображенъ на 133 стр. изданнаго У. Г. Иваскомъ „Описанія русскихъ книжныхъ знаковъ“. М. 1905).

Но какъ ни интересна и значительна была его библіотека, нисколько не менѣ замѣчательно было его собраніе гравированныхъ и литографированныхъ листовъ. Это собраніе было настолько разнообразно и велико, что распадалось на нѣсколько отдѣловъ: портреты, виды, каррикатуры, лубочныя картины и сюжетные листы. Изъ этихъ отдѣловъ самымъ обширнымъ было собраніе русскихъ портретовъ. Всѣ портреты были расположены въ алфавитномъ порядкѣ, при чемъ гравюры отдѣлены отъ литографій, и кромѣ того тѣ и другіе размѣщены въ

папкахъ двухъ размѣровъ: въ большой листъ и въ листъ средняго формата. Всѣ листы его собранія были приклеены всѣми краями на картоны, а не навѣшены на нагеляхъ, какъ общепринято. Второе по количеству листовъ было его собраніе лубочныхъ картинокъ, относящихся преимущественно къ войнѣ 1812 го года. Въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ Петръ Александровичъ между прочимъ пишетъ: „моя слабость — генералы 1812 года на коняхъ, а внизу мелкіе солдатики. Не попадаетъ ли вамъ Дороховъ, Чернышевъ, Кульневъ (въ гусарскомъ киверѣ, а не въ шапкѣ) и Витгенштейнъ (то же въ гусарскомъ киверѣ). Вотъ бы меня одолжили!“ Другимъ излюбленнымъ отдѣломъ его собранія были портреты Бекетовскаго изданія. Насколько онъ ими интересовался, можно видѣть изъ другаго письма ко мнѣ Петра Александровича по поводу посылки ему мною въ 1896 году нѣсколькихъ портретовъ: „Очень и очень благодарю васъ, въ особенности же за три Бекетовскихъ портрета, которые и были положены къ моимъ Бекетовскимъ, вѣроятно съ такимъ же чувствомъ, съ которымъ извѣстный вамъ рыцарь клалъ золото въ сундукъ, „въ сундукъ еще не полный“. Бекетовъ моя слабость, также какъ и карикатуры 1812 года. Эти два отдѣла я по возможности стараюсь пополнять, но возможность-то представляется очень рѣдко“.

Собраніе литографій, принадлежавшее П. А. Ефремову, было такъ велико и богато рѣдкостями, что не скоро можно составить ему подобное, и очень жаль, что оно разсѣялось по частямъ при распродажѣ листового Ефремовскаго собранія въ 1904 году. Не стану останавливаться на перечисленіи рѣдкостей этого отдѣла, тѣмъ болѣе, что эти рѣдкости большею частью указаны, а нѣкоторыя и подробно описаны, въ сочиненіяхъ Д. А. Ровинскаго.

Если бы П. А. Ефремовъ въ теченіи своей жизни только составилъ бы свою удивительную библіотеку и

собрание русских гравюр и литографій, то и это создало бы ему почетное имя. Но его заслуги, какъ собирателя, несравненно больше и ставить его имя на ряду съ незабвеннымъ и незабъннымъ русскимъ собирателемъ — Д. А. Ровинскимъ. Научныя ихъ работы касались различныхъ областей. Ровинскій создалъ исторію русскаго гравированія и портретнаго искусства, Ефремовъ только изрѣдка и по немногимъ вопросамъ касался въ своихъ трудахъ русскаго искусства, и его главное значеніе въ изслѣдованіяхъ библіографическихъ и историко-литературныхъ. Но общее между ними было желаніе возможно больше ознакомить русское общество съ интересными памятниками изъ своихъ собраний и всегдашняя готовность предоставлять свои собрания на пользу общественную. Въ этомъ отношеніи П. А. Ефремовъ оказалъ большія услуги русскому обществу: только благодаря его обширнымъ знаніямъ и согласію предоставить свои собрания для всякаго рода справокъ и пользованія, могли осуществиться многія интереснѣйшія выставки въ Петербургѣ и Москвѣ, каковы: выставка Пушкинская 1880-го года, въ память Жуковскаго въ 1883 году, выставки: въ память Бѣлинскаго въ 1898 году, въ память Пушкина 1899-го года, въ память Гоголя и Жуковскаго 1902-го года.—А какъ много изданій послѣдняго времени украшено снимками съ принадлежавшихъ Ефремову листовъ! Достаточно указать на альбомы перечисленныхъ выше выставокъ, на изданіе М. Стремоухова „Суворовъ въ иллюстраціяхъ“, на изданіе Панчулидзева „Исторія кавалергардовъ“; еще раньше появлялись снимки въ журналѣ „Русская Старина“, гдѣ между прочимъ Ефремовымъ помѣщены статьи о портретахъ Гоголя и Лермонтова.

Обладая огромною памятью, П. А. Ефремовъ безъ затрудненія находилъ всякаго рода справки изъ всѣхъ отдѣловъ своего обширнаго собранія. Онъ не велъ никакихъ каталоговъ ни книгъ, ни листовъ. Не имѣя времени

составлять каталоги листовъ своего собранія, П. А. Ефремовъ однако на нижнемъ полѣ лицевой стороны всѣхъ листовъ дѣлалъ карандашныя помѣтки разнообразнаго содержанія: на всѣхъ анонимныхъ портретахъ извѣстныхъ ему лицъ онъ всегда подписывалъ имена этихъ лицъ, на гравированныхъ портретахъ дѣлалъ ссылку на словарь Ровинскаго, или отмѣчалъ, что портретъ или его состояніе, не описаны Ровинскимъ, часто помѣчалъ время приобрѣтенія, цѣну и т. под. Для болѣе нагляднаго объясненія характера подобныхъ замѣтокъ приведу надписи на нѣкоторыхъ листахъ Ефремовскаго собранія, нынѣ принадлежащихъ мнѣ. Вотъ литографированный Митрейтеромъ въ 1854 г. портретъ неизвѣстной молодой дамы; на немъ подпись рукою Ефремова: „Какъ мальчикъ кудрявый рѣзва етс. Графиня Александра Кириловна Воронцова-Дашкова. Отъ П. И. Пашино. 1874 IX/3 Вторникъ“; на большомъ портретѣ поэта Щербины, литографированномъ Медвѣдевымъ съ Горавскаго, сдѣлана помѣта: „Издавъ для знакомыхъ Гр. А. К. Толстой въ 1856 г. П. Е.“; на портретѣ графа А. Д. Мамонова, гравированномъ Пожалостинымъ, въ отпечаткѣ съ замѣткою (изображеніе пѣтуха) написано: „Рѣдчайшій — съ пѣтухомъ“; на гравированномъ портретѣ Н. В. Рѣпиной въ отпечаткѣ безъ подписи на кит. бумагѣ съ полями, помѣчено: „Ров. стр. 616 (бол. л. и кит. б. не означ.). Надежда Вас. Рѣпина (потомъ за Верстовскимъ) Моск. актриса“. — Изъ этихъ примѣровъ видно, какъ разнообразны и содержательны были замѣтки Ефремова и съ какою любовью онъ относился къ своему собранію. На мои сожалѣнія по поводу отсутствія каталоговъ его библіотеки и собранія онъ говорилъ мнѣ, что собираетъ книги и листы для научнаго ими пользованія и не имѣетъ уже времени для записыванія своихъ покупокъ, но всегда готовъ предоставить имѣющійся у него матеріалъ всякому, задумавшему подобнаго рода работу. Такимъ образомъ онъ переслалъ Д. А. Ровин-

скому на просмотръ все свое собраніе русскихъ гравированныхъ портретовъ, когда послѣдній заканчивалъ свой словарь.

Изъ собственной его замѣтки въ альбомѣ Семевского „Знакомые“ узнаемъ, что страсть Ефремова къ собиранію началась съ самаго ранняго его дѣтства: „Родился въ Москвѣ 2-го ноября 1830 года, посѣщать Смоленскій рынокъ и Сухареву башню началъ съ семилѣтняго возраста“.—Въ 1859 году П. А. переѣхалъ въ Петербургъ и тамъ окончательно установились его литературные и художественные вкусы, особенно съ того времени, когда онъ приобрѣлъ связи и знакомства въ кругу петербургскихъ собирателей. Въ концѣ 1870-хъ годовъ образовался въ Петербургѣ кружокъ любителей и собирателей книгъ и гравюръ, гдѣ душою былъ Д. А. Ровинскій, а однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ являлся П. А. Ефремовъ. Въ кружкѣ приняли участіе такіе выдающіеся знатоки и любители, какъ Я. О. Березинъ, Г. Н. Геннади, П. Я. Дашковъ, Н. П. Дуровъ, М. Н. Лонгиновъ, М. И. Семевскій и нѣкоторые другіе. Члены кружка одинъ разъ въ недѣлю собирались по очереди другъ у друга вечеромъ и на этихъ, скромныхъ по обстановкѣ, собраніяхъ всегда происходили оживленныя сообщенія о взаимныхъ находкахъ и открытіяхъ, дѣлались шуточные и серьезные доклады по вопросамъ историко-литературнымъ, велись горячіе споры и бесѣды на всякія темы. Вотъ въ какой счастливой обстановкѣ развивалась опытность, и обогащалось собраніе П. А. Ефремова. Не мудрено, что благодаря его большому уму и серьезному образованію, соединеннымъ съ особенною любовью къ наукѣ и большимъ трудолюбіемъ, изъ Ефремова выработался въ концѣ концовъ необыкновенно глубокій знатокъ исторіи литературы и искусства: Петръ Александровичъ былъ живою лѣтописью русской литературы за послѣдніе полвѣка и справочною энциклопедіею по русской иконографіи въ широкомъ ея значеніи.

Какъ собиратель, П. А. Ефремовъ принадлежалъ къ рѣдкому типу собирателя, широко и разумно понимающаго задачу собиранія, какъ вспомогательнаго средства для научныхъ изслѣдованій, а потому онъ не гонялся за книжными и листовыми рѣдкостями, когда они, кромѣ своей рѣдкости, не имѣли ни научнаго, ни художественнаго значенія; точно также интересуясь главнымъ образомъ содержаніемъ, а не внѣшностью собираемаго, онъ не придавалъ особеннаго значенія сохранности экземпляровъ, и потому его собраніе не блестѣло чистотою и цѣльностью листовъ, хотя было чрезвычайно богато и разнообразно по содержанію. Онъ иронически относился къ увлеченіямъ въ дѣлѣ собирательства и съ свойственнымъ ему, немного злымъ, юморомъ называлъ библиомановъ и собирателей рѣдкостей только ради одного тщеславія обладать ими не собирателями или коллекціонерами, а „коллекторами“, тѣмъ намекая, что ихъ собранія являются мѣстомъ свалки мало пригоднаго матеріала.

Съ возвращеніемъ Петра Александровича снова въ Петербургъ, въ 1903 году, прекратились мои личныя сношенія съ нимъ, но я знаю, что, продавши Фельтену въ 1904 году свою коллекцію русскихъ листовъ, онъ не рѣшился разстаться съ своею бібліотекою, необходимою ему для научныхъ его работъ, а потомъ вскорѣ вновь принялся и за собираніе гравюръ. Горячка собирательства неизлѣчима! Къ сожалѣнію мало пришлось наслаждаться маститому ученому плодами своего благороднаго увлеченія. Усилившаяся застарѣлая болѣзнь и упадокъ силъ за послѣдніе два года почти совсѣмъ лишили его возможности предпринимать путешествія къ антикварамъ и букинистамъ за покупками любезныхъ его сердцу гравюръ и книгъ. А 26 декабря 1907 года П. А. Ефремова не стало.

Вѣроятно многимъ не безынтересно ознакомиться съ наружностью П. А. Ефремова. Еще Карамзинъ сказалъ:

Душа писателей въ твореніяхъ видна,
Но самый образъ ихъ бываетъ намъ пріятенъ.

Поэтому укажу нѣкоторыя, извѣстныя мнѣ, изображенія Петра Александровича. Изъ его портретовъ особенно интересенъ гравированный профессоромъ И. П. Пожалостинымъ въ 1881 году, въ видѣ замѣтки на вторыхъ отпечаткахъ портрета В. А. Жуковского. Замѣтка эта есть въ отдѣльныхъ отпечаткахъ. Этотъ небольшой портретъ, по отзыву самого Ефремова, „весьма схожій и рѣдкій, ибо оттиснуто пять экземпляровъ“; Ровинскій, описывая его, говоритъ, что онъ гравированъ чрезвычайно живописно сухою иглой и отличается большимъ сходствомъ. Воспроизведенъ этотъ портретикъ въ „Подробномъ словарѣ“ Ровинскаго и въ изданномъ К. Фишеромъ альбомѣ выставки 1902 года въ память Жуковского. Существуютъ еще два хорошіе гравированные портрета П. А. Ефремова послѣднихъ лѣтъ его жизни, оба работы офортиста М. Рундальцева: одинъ въ видѣ замѣтки на большомъ портретѣ А. С. Пушкина, съ оригинала Кипренскаго, и другой, очень миниатюрный, также въ видѣ замѣтки на портретѣ А. С. Пушкина, оригинала Тропинина, приготовленномъ для послѣдняго изданія сочиненій Пушкина подъ редакціей Ефремова. Кромѣ описанныхъ гравированныхъ, есть довольно распространенный фототипный портретъ въ большой листъ, съ фотографіи, исполненной въ Петербургѣ въ іюлѣ 1889 года. Изъ фотографій очень характерна снятая Волковымъ въ Москвѣ въ 1894 году, на которой Ефремовъ изображенъ сидящимъ въ своемъ Московскомъ кабинетѣ вмѣстѣ съ библиофиломъ А. П. Бахрушинымъ. Хороши фотографіи, исполненныя К. А. Фишеромъ въ Москвѣ по поводу Пушкинской выставки въ 1899 году; на нихъ Ефремовъ представленъ сидящимъ съ Пушкинскимъ альбомомъ въ рукахъ *).

*) Снимокъ съ одной изъ нихъ прилагается при настоящемъ изданіи.

фотографическая группа членовъ Коммисіи по устройству Пушкинской выставки въ Москвѣ, работы также К. А. Фишера.—Въ иллюстрированныхъ прибавленіяхъ къ „Новому Времени“ 1905 года № 10504 и 1908 года № 11425 также были помѣщены портреты Ефремова, —при чемъ въ первомъ есть снимокъ съ фотографіи 1864 г.

1 февраля 1908 г.
Москва.

Воспоминанія букиниста о П. А. Ефремовѣ.

П. А. Ефремовъ, какъ собиратель книгъ, зналъ всѣхъ букинистовъ, и букинисты знали его. Онъ появлялся всюду: и на Сухаревкѣ, и на Смоленскомъ рынкѣ; зайдетъ, бывало, и къ Судакову и къ Колгушкину. Вездѣ его тотчасъ окружить „книжная спира“ съ своими предложениями книгъ, либо картинъ, пристанутъ, какъ пѣвки: „поддержи коммерцію, а то я безъ почину“. Съ добрымъ лицомъ, но съ беспощадной сатирой на устахъ, начнетъ П. А. разсматривать предлагаемыя книги, и всѣмъ отъ него достанется—и магазинщику, и букинисту, и стрѣлку*). Много пришлось выслушивать горькой правды и мнѣ отъ П. А., но я всегда относился къ нему съ глубокимъ уваженіемъ, и онъ въ моемъ духовномъ мірѣ имѣлъ большое значеніе.

Когда и при какихъ условіяхъ состоялось наше знакомство, точно указать я не могу, но оно началось давно и продолжалось почти до самой смерти П. А. Я былъ принятъ у него въ домѣ, пользовался расположеніемъ его супруги и любилъ навѣщать его укромный уголокъ въ Савеловскомъ переулкѣ. Наши разговоры, конечно о книгахъ, всегда доставляли мнѣ великое насла-

*) Букинисты и стрѣлки (особый типъ торговцевъ книгами въ разноску) чаще всего собирались обыкновенно въ трактирахъ Судакова и Колгушкина. Первый находился на Рождественкѣ, помѣщался въ нижнемъ полуподвальномъ этажѣ и иногда назывался „низокъ“, а второй—на Лубянской площади.

ждение. Хотя я иногда дерзалъ вступать съ П. А. въ пререканія по разнымъ меня волновавшимъ вопросамъ, но въ концѣ концовъ весьма часто оказывался въ положеніи Крыловской лягушки предъ воломъ.

П. А. зналъ хорошо мою жизнь, мои взгляды, мои привычки, зналъ мою привязанность къ храму *) и часто обрушивался на меня, если я что нибудь толковалъ вкривь и вкось.

Помню слѣдующій случай.—Однажды, лѣтомъ, сидѣли мы съ нимъ за чаемъ въ его саду. Вдругъ раздался праздничный звонъ. Спрашиваю: „какой завтра праздникъ?“ Горничная усмѣхнулась и говоритъ: „Это завтра баринъ къ Сухаревой пойдетъ“. П. А. посмотрѣлъ на меня и сказалъ: „Хорошъ староста церковный! не знаетъ, что завтра память Московскаго Святителя Филиппа“.

Особенно остались у меня въ памяти юбилейные дни нашихъ писателей, потому-что съ этими днями связаны наиболѣе важныя для меня бесѣды съ П. А. Праздновался юбилей А. С. Пушкина. Пришелся онъ въ день отданія Пасхи. Вышелъ я въ лавку и читаю въ газетахъ, что у Богоявленія въ Елоховѣ заупокойная служба по Пушкинѣ, и книгопродавцы не торгуютъ. Сталъ я, какъ фарисей, ихъ осуждать. Что, думаю себѣ, празднуютъ? И какая сегодня можетъ быть заупокойная обѣдня? Да и по комъ? по вольнодумцѣ, убитомъ на дуэли! Совершенно неожиданно одинъ знакомый чиновникъ прислалъ билетъ на заупокойную службу. Заперъ лавку, полетѣлъ въ Елохово. Когда запѣли причастный стихъ „Воскресни Боже! суди земли“... стыдно стало самого себя. Вотъ нашъ Судія! какъ же я смѣлъ судить нашего великаго писателя?! Въ смущеніи отправился я къ П. А. Онъ больной, раздраженный — ходитъ по комнатамъ, какъ левъ въ клѣткѣ. Я его поздравилъ съ торжественнымъ днемъ. А

*) Въ теченіе многихъ лѣтъ я исполняю обязанности помощника церковнаго старосты при Троицкой, въ Поляхъ, церкви.

онъ и говорить: „Ты посмотри, какая погода! дождь льетъ какъ изъ ведра: добрый хозяинъ собаки не выгонитъ“. — „Такъ неужели, отвѣчаю, я хуже собаки?“ — Оставили меня обѣдать, и за обѣдомъ я разсказаль, что я передумаль и перечувствовалъ. Послушаль П. А., пожуриль меня и на прощанье что-то даетъ. — „Безъ очковъ, говорю, не вижу“. — „Ну, ладно, тамъ разсмотришь“. Прихожу домой, смотрю: два билета въ Дворянское Собраніе на рефераты о Пушкинѣ. Вотъ тутъ-то я и узналь, кто такой Пушкинъ. Раскрылись мои очи, и поняль я, какой грѣхъ я совершилъ, осуждая великаго писателя. Спасибо Петру Александровичу!

Помню другой юбилей—Бѣлинскаго. Добрѣйшій мой наставникъ, или какъ я потомъ сталъ звать его—батька, опять обо мнѣ позаботился. Онъ прислаль билетъ на выставку и на рефераты, но съ условіемъ, чтобы я разсказаль потомъ, какое впечатлѣніе будетъ у меня. Прихожу на другой день, сидимъ въ той самой комнатѣ, гдѣ въ свое время жилъ Бѣлинскій. Передаю свои впечатлѣнія, говорю, что не могу никакъ примирить свои религіозныя взгляды съ ученой характеристикой Бѣлинскаго, назваль его западникомъ, а Гоголя за его отношенія къ Бѣлинскому изругаль на обѣ корки. Не стерпѣль П. А. и давай меня отчитывать: „Да ты гдѣ былъ, когда читали, что ты слушаль, гдѣ у тебя были уши?“ И весь обѣдъ и самъ, и даже супруга, внушеніе мнѣ дѣлали. Ушелъ я весь взволнованный. Черезъ нѣсколько дней является П. А. ко мнѣ, и говорить: „Не забудь, завтра обѣдня по Бѣлинскомъ, приходи къ Воскресенію на Остоженку“. Опять „Воскресни Боже“ мелькнуло у меня въ головѣ. Прихожу на другой день въ церковь, отстояль обѣдню и панихиду. Оттуда къ П. А., пообѣдали, и помянули раба Божія Виссаріона. Время прошло въ доброй мирной бесѣдѣ. Но какъ только пришелъ домой, заволновался. Что это такое! Въ Университетѣ на рефератахъ о Бѣлинскомъ, — „неистовомъ Виссаріонѣ“, — масса пуб-

лики, руки просунуть некуда, а въ церкви, на поминовеніи „раба Божія Виссаріона“ почти никого. Должно быть, лекціи дороже самого Бѣлинскаго. Написалъ горячее письмо П. А. и думаю: навѣрное, больше къ нему ни ногой. Не тутъ то было. Вдругъ пріѣзжаетъ П. А. съ супругой, привозятъ цѣлый букетъ свѣжихъ цвѣтовъ. „Ты что же глазъ не кажешь, знаетъ кошка, чье мясо съѣла!“—Некогда, говорю.— „Ну, ну, приходи завтра“. И опять начались мои посѣщенія.

Передъ празднованіемъ двухсотлѣтняго юбилея С.-Петербурга писалъ мнѣ П. А., въ то время переселившійся уже въ С.-Петербургъ: „Пріѣзжай къ намъ на праздникъ, еще двухсотлѣтняго юбилея не дождешься“. Но я тяжель на подъемъ, и, вѣроятно, не собрался бы. Но подвернулся случай. Пріѣхалъ въ Москву Кіевскій книгопродавецъ Н. Я. Оглоблинъ, онъ и утащилъ меня въ Питеръ. Являюсь къ П. А. Онъ встрѣтилъ меня радушно, расцѣловались; смѣется и говоритъ: „Навѣрное, кто нибудь силкомъ затащилъ тебя, ужъ не Никола ли Угодникъ помогъ?“ Дѣло было около 9 Мая. Не могу передать, сколько было для меня радости въ нашей встрѣчѣ. Отвели мнѣ комнату спокойную, заботились обо мнѣ прямо по отечески. Не были забыты всѣ мои привычки, даже каждое утро передъ чаемъ подавалась мнѣ и водочка и закусочка—это моя долготѣнная привычка. Прислуга нарочно вставала съ 5 часовъ утра, чтобы отпустить меня къ заутрени и обѣднѣ. Словомъ изъ-за меня чуть не весь строй домашней жизни П. А. перевернулся. Случилось отданіе Пасхи. Въ этотъ день я былъ въ Александро-Невской Лаврѣ. Пошелъ послѣ обѣдни по кладбищу, смотрю, все знакомыя историческія имена. Въ головѣ мелькаетъ опять: „Воскресни Боже!“ Прихожу къ П. А., рассказываю, что съ Суворовымъ и со всѣми писателями похристосовался, а онъ говоритъ: „Что-же налѣво то не зашелъ, тамъ Ломоносовъ, Фонъ-Визинъ. Эхъ ты книголюбъ!“ Прожилъ я нѣсколько дней,

видѣлъ всѣ юбилейныя торжества. Потомъ вмѣстѣ съ Оглоблинымъ вздумалъ ѣхать въ Финляндію. Говорю П. А.: „Я на Иматру хочу ѣхать“, а онъ отвѣчаетъ: „Ну, куда тебѣ, съ такой рожей на Иматру ѣхать?—поѣзжай лучше на Валаамъ“. Что дѣлать, покорился своему батькѣ, онъ лучше знаетъ: должно быть, на исправленіе посылаетъ. Опять спасибо П. А. Поѣздка на Валаамъ, да по пути кстати въ Коневскій монастырь, была для меня и интересна, и поучительна. Я былъ очень доволенъ своимъ путешествіемъ и, возвратившись, возблагодарилъ своего мудраго наставника.

Это было наше послѣднее свиданіе. Никогда не забуду своего добраго учителя и вѣчно ему благодаренъ, что онъ какъ-то умѣлъ учить меня уму-разуму. Въ самомъ дѣлѣ, что между нами могло быть общаго, одна и была только связь — любовь къ книгѣ, но одинъ изъ насъ ученый и библіографъ извѣстный безпрепятственно наслаждался книгами, а другой, можно сказать, полуграмотный, помнившій, что въ дѣтствѣ претерпѣлъ за свою охоту къ чтенію воистину гоненіе Діоклетіана: и побои, и потасовки, и т. п. И все-таки эта любовь къ книгѣ связала насъ съ П. А., какъ отца съ сыномъ.

Теперь, по церковному календарю, идетъ седмица. блуднаго сына, и вотъ я вспоминаю, какъ добрый П. А. разбивалъ мои заблужденія и выводилъ отечески на настоящій путь. Сегодня 13 число. Существуетъ суевѣрный предразсудокъ противъ 13. Не чуждъ былъ этого суевѣрія и П. А. Вспоминается мнѣ слѣдующій случай. Были у меня два прикащика—Березинъ и Жариновъ, опытные букинисты и оба поклонники П. А. Въ самую Пасху 1905 года—опять Воскресни Боже!—Березинъ умеръ. Въ девятый день—въ Омино Воскресенье—собрались знавшіе Березина книжники на Пятницкое кладбище помянуть его. Вспомнилъ я, что и П. А. писалъ мнѣ, что ему хотѣлось бы побывать на Пятницкомъ кладбищѣ, гдѣ его родители погребены. Въ этотъ же день

случилось двадцатипятилѣтіе И. З. Сурикова. Мнѣ и пришла мысль снять группу всѣхъ поминавшихъ и помѣстить надъ ними портретъ П. А. Послалъ ему этотъ снимокъ; думалъ, вотъ удружу, и не замѣтилъ, что на карточкѣ изъ человѣкъ. Получаю отъ него письмо и вдругъ, вмѣсто благодарности упрекъ. „Ты что же уморить меня хочешь?“ Но вышло не то. Въ томъ же году скоропостижно скончался мой прикащикъ Жариновъ, страдавшій астмой. Принесъ онъ изъ магазина Суворина сочиненія Пушкина, подъ редакціей П. А., зашатался и тутъ же, въ лавкѣ у меня, и умеръ. Долго я былъ подъ сильнымъ впечатлѣніемъ и упрека П. А., и этой смерти.

Позволю себѣ подѣлиться съ моими снисходительными слушателями двумя письмами, одно отъ П. А., другое—мое. Въ этихъ письмахъ всего лучше обрисовываются наши отношенія другъ къ другу.

Москва.

Милостивому Государю

Аѳанасію Аѳанасіевичу Г. Астапову.

У Троицы на Поляхъ, межъ Рождественкой и Никольской. Книжная торговля.

Четвергъ 14 Апрѣля 1905 года

Крюковъ кан. № 7 кв. 6.

Что же Вы изволили замолкнуть, почтеннѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Ну, да праздникъ такой, что не до упрековъ, а другъ друга обьемемъ и возопіемъ, нѣтъ-ли чего книжнаго или картиннаго, а за симъ поздравленіе съ праздникомъ самому вкупѣ съ чадами (полагаю есть), домочадцами и сотрудниками по храненію подъ семью замками всякихъ книгъ, книжицъ и изображеній, къ которымъ и азъ многогрѣшный приходишь и обрѣтахъ Аѳанасія Аѳанасьевича на камени сѣдѣюща и глаголюща: нѣсть входа во дворѣхъ загражденна! Никакъ не могу я усвоить себѣ имени преемника на Лубянкѣ звѣроименнаго и

приснопамятнаго Судакова, во пещерахъ Рождественскихъ пребывавшаго и утолявшаго жажду мою водкой, а алканіе селянкой. Лубянской же преемникъ въ присутствіи Вашемъ и г. Ступина (коему поклонъ) отвергъ даже моленіе мое о подовомъ пирогѣ! *) Какъ вы поживаете и что подѣлываете, а я на Васъ серьезно сѣтую, потому что отъ Васъ пристала ко мнѣ несосвѣтима лѣнь, которую даже и березовымъ полѣномъ не вышибешь. Что Вы на это скажете и какъ оправдаетесь? Нѣтъ никакой къ этому возможности, потому что она заразила и всю вашу окрестность передъ Троицей на Поляхъ; и поучительнымъ примѣромъ тому приведу даже г. Ступина, котораго просилъ я черезъ Никольскую улицу сходить къ г. Сытину понавѣдаться о лубочныхъ картинахъ. Впрочемъ, это было не такъ давно, всего около 3-хъ мѣсяцевъ, а обѣщаннаго, говорятъ, три года ждутъ.

За симъ свидѣтельствую Вамъ свое, Адольфины Осиповны и Катерины почтеніе и, желая Вамъ всѣхъ благъ земныхъ и времени мирна, есмь Вашъ доброжелатель П. Ефремовъ.

А вотъ одно изъ моихъ писемъ:

Свѣтъ ты мой Батюшка! Петръ Александровичъ!

Получилъ я твое посланьице и горячми слезми залился: за что же ты, мой батюшка, вознегодовалъ на сироту круглаго беззащитнаго. Нагналъ ты, батюшка, на мое сердце грусть-тоску злую немощную, и ожидалъ я, что ты меня пожалѣешь, что пріѣхала гостя дорогая Ад. Ос. изъ Питера. Ожидалъ я съ крѣпкою радостью, она моя матушка, зная твой характеръ грозный да немилостивый, и давай мои грѣшки расписывать безъ пощады и милости.. И писалъ я тебѣ посланьице слезное, умиленное, всю

*) Пещеры Рождественскія—это упомянутый выше трактиръ Судакова; кормили въ немъ хорошо. Когда этотъ трактиръ перешелъ въ другія руки, дѣла пошли хуже. На это и указываетъ П. А., которому не могли испечь, какъ слѣдуетъ, простой пирогъ.

подушечку измочилъ слезами горючими. За что вы, батюшка, огорчились на матушку Москву старушку. Быть можетъ, по старости и древности ошибается, что наши любители книжечекъ, деньгами богатые, на карманы не тароватые, хотѣли они твои книжечки, какъ рыбушку въ мутной водѣ, выловити—на ассигнаціонный рубликъ воспользоваться. А ты, мой батюшка, книжную рыбушку взялъ—собралъ, да и въ Питеръ удралъ, вотъ они пригорились и приключинились... И давай изъ Питера подбирать по картиночкѣ, а денежки стали платить рублевишками серебрянными, да вмѣсто одного десятинными. Какъ ни по калякали, ни посудачили, а какъ ракъ на мели остался.. За что же ты, батюшка П. А. на меня озлобился? Тебѣ, батюшка, извѣстно, что тридцать и три года сиднемъ сижу на Троицкихъ поляхъ, какъ Илья Муромецъ, забиралъ по Москвѣ и по окрестнымъ весямъ, собираючи все книжечки и все въ сараи закладываячи и замочкомъ запираючи, а ключъ, какъ ты, батюшка, говаривалъ, въ Москву рѣку бросаючи.. А самъ, батюшка, только по усамъ потеръ своими книжечками, да и въ Питеръ они улетучились.. О! гой еси ты, батюшка, сними ты свою опалу на душѣ моей горькую. Не могу я залить чашей Судаконскою и скворешникомъ Колгушкинскимъ, выпьешь что и лишнее, головушка еще хуже разболится, а сердцу, батюшка, не легче становится. Тебѣ извѣстно, батюшка, я сижу себѣ смиренхонько, ни кого не трогая, и не кричу на всю матушку Русь православную.. Но что дѣлать, когда меня затронуть за мои книжечки, какъ за больное мѣстечко, тутъ я, батюшка, самъ не свой, говоря по обычаю: „ѣду—не свищу, а наѣду—не спущу“. Это я поля защищаю отъ книжныхъ разбойничковъ, а мѣстечко тебѣ извѣстно со временъ Грознаго: тутъ когда-то были кулачные поединочки, другъ друга поколачивали.. А теперь, мой батюшка, силушка выходитъ, и память притупляется, а молодежь вооружается, только приходится отмахиваться.. Взялъ я помощничковъ: березу старую, и въ послѣднее

время она надломилась; взялъ я еще гуся жаренаго *), чуть не подавился... Ужъ очень костистъ попался.. И сижу я, батюшка, какъ старый левъ, зубами пощелкиваю и за все послѣднее время книгами и деньгами приплачиваюся.

Быю тебѣ челомъ о сыру землю, нижайше кланяюся, не попрекай меня гуслими самогудами.. Это было дѣло во времена Владиміра, а въ то время меня на свѣтѣ не было.. Не карай меня словами крѣпкими, да немилостивыми, а то въ ночи темныя не спится мнѣ бѣдному, да одинокому... Некому свое и горюшко передать.. Было времячко отрадное — Савеловское гнѣздышко: приглубяты и приласкаютъ, да и померанцевой угощаютъ.. И убѣжить мое горюшко за тридевять земель, въ тридцатое царство, а теперь, батюшка, кручинушку передать некому.. Пройдешь, пройдешь ли, все вспоминается.. Ахъ! вы милые добрые Савеловскіе мои незабвенные! Какъ то вы въ Питерѣ поживаете?.. И получишь вашу! вѣсточку, обрадуешься, вспомнишь, какъ словно во снѣ это видѣлось, наши бесѣдушки, приходилось за мои грѣшки наставленьица выслушивать и за моими поведенціями выслѣживать, и я, какъ покорный сынишко, съ покорностію выслушивалъ. Прими, мой батюшка, доброе пожеланіе, отъ Бога доброе здравіе, на книжныхъ разбойниковъ побѣду и одолѣніе. Азъ, твой сынишко, книголюбіемъ страдающій и тебя уважающій и продающій книги уважающимъ, быю челомъ нижайше земли. Книголюбивый твой сынишка Оонька Остаповъ. Москва. Въ лѣто отъ сотворенія міра 7412. Генваря 10 дня.

А. Астаповъ.

*) Вышеупомянутые прикащики—И. М. Березинъ и П. П. Жариновъ.